

137
142
N 1771.

АРСЕНЪ,

или

СУЕТА СВѢТА,

состоящая

въ

Четырехъ Частяхъ,

Переведена

съ Французскаго языка.

Печатана при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, 1763. года.

АРСЕНЪ,

ИЛИ

СУЕТА СВѢТА.

Часть Первая.

Арсенъ, Министръ и великій казначей Мадерскаго Принца, огорченъ будучи при дворѣ перемѣною своего щастія, и претерпя многія гоненія, возбудясь набожными мыслями и Христіанскою добродѣтелію, пошелъ въ уединеніе, чтобы препроводить тамъ остатокъ своея жизни. Никто не могъ узнать подлинной при-

чины толь скораго и нечаяннаго его удаленія. Ибо онъ всегда пользовался отмѣнною милостію своего Принца, и имѣлъ преимущество надъ Пертинаксомъ, своимъ соперникомъ. Другъ его Эрофиль возвратясь изъ Франціи, гдѣ онъ жилъ долгое время, съ чувствительною радостію хотѣлъ его видѣть. Но какъ по прибытіи своемъ услышалъ, что онъ удалился, вознамѣрился посѣтить его въ уединеніи, и употребить всевозможное стараніе о приведеніи его ко двору обратно. Нашедъ его посреди великаго лѣсу близъ одного фонтана, углубившагося въ пріятной задумчивости, говорилъ, подбѣгая къ нему съ распростертыми руками: *я пріѣхалъ сюда за тѣмъ только, чтобъ взять васъ опять ко двору.*

Ахъ! дражайшій Эрофиль, отвѣчалъ Арсенъ съ такоюжъ учтивостію; не предпринимайте столь труднаго

дѣла.

дѣла. Естьли бы и вы, продолжалъ онъ, вкусили сладость моего уединенія, можетъ быть и всю свою жизнь въ ономъ препроводить захотѣли. Я, что бы для деревъ, отвѣчалъ Эрофиль, для горъ и каменья, да и для ужасной пустыни, оставилъ пріятную придворную жизнь, и не имѣлъ бы больше обхожденія съ женщинами; оставилъ бы имѣніе чести и пріятелей? Какое сіе сходство!

А я и того еще меньше думаю, отвѣчалъ Арсенъ, возвратиться опять къ такому двору, гдѣ всѣ обращаются въ суетѣ, въ высокомѣріи, въ роскоши, и пекутся о собственной своей пользѣ. Радость и удовольствіе, которыя въ невинной здѣшней жизни, отъ глубины сердца моего чувствовать я начинаю, суть чистѣйшія и основательнѣйшія благополучія, нежели нынѣшнія пагубныя веселія свѣта, которыми вы ослѣплены.

Трудно будетъ вамъ меня о томъ увѣрить, прервалъ рѣчь его

Эрофиль; я весьма сумнѣваюсь, чтобъ и вы имѣя всегда завистное обхожденїе съ женщинами, могли здѣсь найти столь чувствительныя веселїя. Какїя оныя, спрашивалъ Арсенъ, великїя забавы и веселости въ обхожденїи съ женскимъ поломъ? развѣ вы ни во что вмѣняете, отвѣчалъ Эрофиль, красоту ихъ, веселой нравъ и разумъ? Есть ли что прїятнѣе, какъ побѣждать ихъ гордости, плѣнять ихъ сердца, иобладать со всѣмъ ими?

Не о сихъ веселїяхъ думаете вы, отвѣчалъ Арсенъ; красота не защищаетъ ихъ отъ болѣзни и печали; разумъ ихъ наполненъ одними безделицами; онѣ говорятъ только о своихъ нарядахъ, о домашнихъ украшенїяхъ, о драгоцѣнныхъ каменьяхъ, и въ тѣ мѣста только ѣздятъ, гдѣ бы злословить лучшихъ своихъ прїятельницъ. Сїе происходитъ отъ ихъ легкомыслїя и непостоянства. Онѣ однихъ только себя любятъ;

бятъ; все, что ни дѣлаютъ, то дѣлаютъ изъ единой токмо корысти или тщеславія, или для своего увеселенія. А естьли нечаянно полюбятъ они васъ безъ всѣхъ сихъ намѣреній, отъ добраго се́рдца, то вы не думайте тѣмъ быть благополучны. Онѣ ежеминутно печалить будутъ васъ нѣжными своими мнѣніями, ревнивыми подозрѣніями, неосновательными разсужденіями, и безпрестанными выговорами. Кленитесь вѣрностію и вѣчною любовію, сколько хотите. Но омерзѣніе, досада, ревнивость и новое обязательство, на вѣки васъ разлучатъ; а славнѣйшее окончаніе, каковаго вы надѣяться можете, есть то, что сія самая женщина жестоко почувствуя вашу перемѣну, и ни во что не вмѣня всѣ прочія достоинства, удалится отъ свѣта, и пойдетъ въ монастырь, оплакивать свои согрѣшенія, которыхъ почитать васъ будетъ беззаконнымъ и нещастнымъ началомъ.

Вы вступаете въ глубокія разсужденія, отвѣчалъ Эрофиль; по вашему мнѣнію, со всѣмъ бы надлежало изгнать любовь, однакожъ она производитъ въ обществѣ наиприятнѣйшія упражненія. Вамъ не льзя будетъ, продолжалъ онъ, такъ безуспѣшно говорить о богатствахъ, которыя столь много помогаютъ и споспѣшествуютъ въ веселіяхъ.

Я оныхъ веселій и преимуществъ не вижу, говорилъ Арсенъ.

Видѣть сундуки свои наполненные золотомъ и серебромъ, отвѣчалъ Эрофиль, имѣть богатыя одежды; драгоцѣнные домашніе уборы; блистающей экипажъ; богатой столъ; видѣть около себя множество рабо-лѣпствующихъ; не имѣть жестокосердыхъ женщинъ, владѣть хорошими полями, на конецъ быть въ состояніи удовольствовать всѣ свои страсти и чувства: не чрезвычайныя ли сіи преимущества?

Они не таковы, отвѣчалъ Арсенъ, какъ вы себѣ ихъ воображаете; они возбуждаютъ и льстятъ только съ начала, а по томъ скоро проходятъ, оставляя по себѣ подлинно несносныя печали. Причина тому, что сердце наше, созданное для лучшаго и благороднѣйшаго конца, не будетъ довольно такими безумными забавами. Оно, узнавъ оныхъ недостатки, придетъ въ уныніе, и тѣмъ большія безпокойства и нещастія чувствовать начнетъ, чѣмъ пристрастнѣе оно къ тѣмъ забавамъ прилѣплялось. Сердце скупаго человѣка веселилось только одну минуту своимъ сокровищемъ. Посмотрите жъ, сколько онъ страждетъ, умираетъ съ голоду, и возбраняетъ себѣ потребное; опасаясь же лишишься своего сокровища, не спитъ онъ дня и ночи; для умноженія онаго, трудится неусыпно, и не даетъ себѣ покою; отъ малѣйшаго ущерба приходитъ въ отчаяніе. Спра-

ведливо можно сказать, что сїе веселїе не дешево достается. Сколько разъ драгоцѣнное ваше платье, уборы, хорошей экипажъ возбуждали въ васъ гнѣвъ на вашихъ домашнихъ, которые не старанїемъ своимъ въ глазахъ вашихъ все то портили? Но забота ваша понуждала васъ въ разсужденїи смѣшнаго и упрямаго сбыкновенїя, исправлять все оное; попеченїе и безпокойство ваше состояло въ томъ, какъ бы промыслить денегъ на такое иждивенїе; и желанїе ваше тѣмъ ненасытнѣе становилось, когда видѣли вы, что у другихъ все было лучше и великолѣпнѣе. На открытомъ своемъ столѣ, каковъ бы онъ хорошъ ни былъ, лучше ль вы наѣдитесь, нежели на простомъ и умѣренномъ? Отъ паровъ и множества мясъ, потеряете вы вкусъ, или много наѣвшись, занеможете? Неудовольствїе отъ того, что вамъ несовершенно угождаютъ, испортитъ всю вашу веселость; и всегда чего ни будь

у васъ

у васъ не доставать будетъ. Ксихъ вы пожелаете видѣть, тѣ къ вамъ не будутъ: а вмѣсто оныхъ, увидите обѣдаловъ; первые наблюдали бы вашу выгоду; а для послѣднихъ, всегда недостатокъ будетъ какъ въ кушаньѣ такъ и въ услугахъ; для иныхъ очень бы великолѣпно и изобильно у васъ показалось, а изъ тѣхъ, которыхъ вы угостите, вѣрно найдутся такїе, которые вмѣсто благодарности, съ ревностїю и съ завистїю о вашемъ щастїи домой возвратятся.

Сїе великое множество домашнихъ лучше ли вамъ услужить могутъ? Вы конечно усердїя и вѣрности не увидите, а по большей части бываютъ изъ нихъ клеветники, обманщики и похитители.

Прелестная женщина во всемъ вамъ соотвѣтствуетъ, и дѣлаетъ всякое угожденїе. Но естьли вы себѣ представите, въ какомъ состоянїи она васъ оставляетъ своимъ обманомъ,

номъ, когда усмотрите, что одна только корысть повелѣвала ею, а сердце никакого участія не имѣло, и что самой не годной человѣкъ съ тоюжъ тратою мой сынъ отъ нея не хуже васъ принятъ. Признайтесь, что веселія ваши гораздо посредственны.

Правда, что чрезъ богатство можемъ мы удовольствовать свои страсти и чувства; но тѣмъ-то мы и нещастнѣе бываемъ; ибо чѣмъ болѣе мы онымъ безпорядкамъ угождаемъ, тѣмъ больше они насъ безпокоятъ, ослѣпляютъ, дѣлаютъ безстыдными, и терзаютъ насъ весьма жестоко.

Изрядно, сказалъ Эрофиль, положимъ, что сіи превосходства безпокойны и несносны, что сохранять ихъ трудно; но не такъ ли вы думаете и о хорошихъ помѣстьяхъ? Господинъ имѣетъ весьма хорошо выстроенную и обширную деревню. Въ ней находится совершенное правосудіе, вольная ловитва звѣрей и рыбная

ная ловля; имѣетъ онъ наемныхъ и крѣпостныхъ людей; Господинъ любимъ, почтенъ, повелѣваетъ и живетъ на подобїе Короля.

Деревня, отвѣчалъ Арсенъ, досталась ему по наслѣдству изъ фамилїи, или онъ ея купилъ. Ежели она наслѣдственная; для него нѣтъ въ ней ничего такого, чтобъ новостїю своею его прельщало. Но онъ больше о томъ забоѳится, какъ бы она заплатила ему начетъ и оброкъ на нея положенной. А ежели онъ только что ея купилъ, то великая сумма, которую онъ за нея заплатилъ, и въ разсужденїи того, малой получаемой съ ней доходъ, весьма много веселїя у него отнимаетъ. Что жъ остается? Мастеровые люди въ безпрестанной работѣ; откупщики наемникамъ не платятъ. Рабы не весьма покорны и послушны, ежечасные споры въ помѣстьяхъ? Штатской человѣкъ въ сосѣдствѣ оспориваетъ по правамъ, объявляя, что не слѣдуетъ

етъ имѣть деревни, не имѣя никакого чину. Оное дѣло ему поручается; и онъ толкуетъ его по своему. Великое происходитъ судебное дѣло, отъ котораго Прокуроръ немалой корысти ожидаетъ; и въ той надеждѣ толкуетъ его на всѣ стороны; Адвокатъ бредни свои представляетъ за правила не обманчивыя, и подъ тщеславнымъ именемъ *почести*, даваемое ему награжденіе, принимаетъ съ такою жадностію, какъ самой бѣдной поденьщикъ. Судъ начинается; посмотрите на списокъ; надлежитъ всѣхъ судей упросить, слушать ихъ разсужденія. Одинъ глупъ, и полагается на мнѣніяхъ прочихъ; другой дѣлаетъ только изъ корысти, и Секретарь его со всѣмъ полную власть имѣетъ. Иной, коимъ женщины повелѣваютъ; а другой слушаетъ своей фамиліи и друзей: последней же дѣлаетъ самовласно. Вамъ надобно у всѣхъ оправдаться, когда начнутъ подавать голоса: одинъ говоритъ,

воритъ, надобно чинъ изъяснить сильными выраженіями; другой рѣшить хочетъ по владѣнію и по обыкновенію; иной по справедливости, а иной по общимъ правамъ; другой же по сосѣдскимъ обычаямъ; а са́мой послѣдней по учрежденію. Ахъ! съ какимъ упорствомъ всякъ свой голосъ защищаетъ! Посреди сего шуму и разности глупыхъ и противныхъ разсужденій, главной судья собираетъ и считаетъ голоса̀. Ежели вы ихъ не превышаете двумя, то прощайтесь со всѣмъ правомъ на ваши зе́мли. Дворянинъ, сосѣдъ вашъ, ходитъ за охотою въ вашихъ дачахъ; онъ имѣетъ право; ибо слѣдуетъ за своею дичиною; на тойже землѣ и рыбу ловитъ, по тому что онъ слыхалъ, будто рѣка общая. Надлежитъ или ему дать волю, или драться, или судомъ чинить здѣлку. Прошу теперь объявить мнѣ, сто́ятъ ли веселія вашей деревни, всѣхъ трудовъ сихъ и печалей?

А ежели богатства заслуживаютъ нѣкоторое почтенiе, по вашему разсужденiю; то напротивъ того малая надежда удержать оныя, и опасность ихъ лишиться, всеминутно должны приводить оныя намъ въ омерзѣнiе, и на конецъ учинить ихъ не достойными нашего попеченiя. Лишенiе богатства наизнатнѣйшаго человѣка, можетъ отъ того только зависить, естьли случится ему быть въ такой компанiи, гдѣ убьютъ человѣка. По причинамъ сего нечаяннаго случая, и по отъ исканiи крѣпостей, деревни и всѣ имѣнiя опишутъ и достанутся монастырю, или кому другому изъ общества; для того что первой господинъ былъ худой совѣсти человѣкъ, и порокъ его не былъ тогда усмотренъ; или онъ былъ не совершенныхъ лѣтъ. Осуждаютъ въ томъ помѣщика, взыскиваютъ доходы, ущербъ, интересъ и издержки. Вотъ такимъ образомъ и разворился толь знатной и богатой помѣщикъ! Но сiе

раззореніе отъ коль малой вещи еще можетъ зависить? Отъ одной искры свѣти, которую пронесъ лакей, загорится все мѣсто, и огнь распространяясь повсюду, домъ и всѣ около лежащія мѣста пожигаетъ. Что же надлежитъ дѣлать по законамъ? Понеже лакей пожаръ здѣлалъ, исправляя работу господина своего, то господинъ долженъ построить погорѣлые домы, и удовольствовать помѣщиковъ въ причиненномъ отъ сего пожара убыткѣ. Теперь хотя бы у него были и миліоны, то и оныхъ не станетъ; онъ конечно пропалъ безвозвратно; хотя виною тему неосторожность лакея, да и все произошло отъ одной искры. По сему можно ль спорить, чтобъ люди не были не смысленны, прилѣпляясь къ такимъ имѣніямъ, которыхъ лишеніе отъ толь малой вещи зависитъ; Пріобрѣтеніе жъ и сохраненіе оныхъ производятъ только несносныя отягощенія и печали.

безспорно можете вы пренебрегать женщинъ и богатство, отвѣчалъ Эрофиль, но васъ бы оправдать нельзя было, ежелибъ вы столько нечувствительны были къ славѣ. Она душа всего свѣта, сѣмя спадшее съ небесъ, и знакъ безсмертія. Вы имѣете такіе высокіе чины, отмѣнныя заслуги, и живете подъ владѣніемъ такого Принца, которой оказываетъ вамъ столь чувствительные знаки особливаго своего благоволенія. Возможно ль вамъ остаться въ уединеніи, и лишиться его, да и всей славы, которую при дворѣ вамъ обѣщаютъ?

Признаюсь, отвѣчалъ Арсенъ, что любовь къ славѣ чувствительнѣе всего меня бъ возбуждала, естьлибъ тѣ, которые такъ какъ раздаватели оныя, были справедливы и правосудны. Но они такъ же люди, то есть, подверженые предразсужденію и слабостямъ. Великія и славныя человѣческія дѣла разнымъ образомъ возбуждаютъ, такъ какъ нѣкоторые портреты, кои по-

ставлены будучи не въ способныхъ мѣстахъ, и противъ свѣту; конечно представятъ разныя и противныя изображенїя. Съ одной стороны увидите постояннаго Философа, съ другой же смѣшнаго скомороха; въ одномъ мѣстѣ великодушнаго Александра, въ другомъ жестокосердаго возмутителя всея Азїи. Слава, которой человѣкъ отъ великихъ своихъ дѣлъ ожидаетъ, ни отъ чего другаго не зависитъ, какъ отъ одного мнѣнїя, которое увеличиваетъ, или помрачаетъ вещь, представляемую взору. Великїе чины подобны высокимъ горамъ, съ которыхъ можно разсмотрѣть величину и малость людей на оныя поставленныхъ. Ежели они тутъ дѣлаютъ подлыя и неприличныя дѣла̀, то ихъ отвсюду видятъ и пренебрегаютъ, по сравненїю степени, на которую они возведены. А чтобъ по онымъ чинамъ отправлять дѣла̀ пристойнымъ образомъ, то надлежитъ здѣлаться

самому себѣ невольникомъ, наложить на себя въ наималѣйшихъ дѣлахъ строгїе законы, и искать въ темномъ и скользкомъ пути славы, которая всегда отъ насъ убѣгаетъ и скрывается. Ежели полководецъ отъ пушечныхъ ударовъ, или, увидя непрїятеля, въ лицѣ измѣнится; ежели не будетъ въ немъ быстраго разума; естьли излишно, или не довольно отважится; ежели допуститъ на себя напасть; ежели Губернаторъ въ укрѣпленномъ мѣстѣ, скоро сдастся, или долго промедлитъ; ежели капитуляцїя будетъ безкорыстна; ежели судїя, поступая по своимъ страстямъ, утѣснять будетъ добродѣтель, подкрѣпляя пороки, и естьли имѣть будетъ подлыя и не годныя мысли и слабость, не имѣя постояннаго духа: что жъ представятъ намъ на сихъ высокихъ горахъ оные полководецъ, губернаторъ и судїя? Вмѣсто почтенной и величественной Атласовой

ста-

станція, которой мы дожидались, увидимъ пигмея, или смѣшнаго карлу. Какой же намъ выигрышъ отъ сихъ высокихъ чиновъ, и для чего мы такъ много въ оные произведены быть ищемъ? Для заслуженія истинныя славы, надлежитъ быть безпорочну, что рѣдко найти можно; да и того ревнительница фортуна лишить насъ можетъ.

Теперь я васъ, дражайшій Арсенъ, говорилъ Эрофилъ, убѣжду тѣмъ, что защищать вамъ весьма трудно будетъ, развѣ вы противъ того, что въ свѣтѣ всего дороже, возстанете, я подъ симъ разумѣю дружбу. Сей толь пріятной союзъ общества, дѣлаетъ наилучшее украшеніе въ свѣтѣ. Ваша жена, ваши дѣти, да и самые ваши друзья зовутъ васъ ко двору моими словами: нечувствительной человѣкъ! можете ль вы оставить ихъ для такого жилища, которое служитъ только убѣжищемъ дикимъ звѣрямъ? Можете ль

 про-

пробыть безъ жены, дѣтей и друзей, безъ всякаго утѣшенія и довѣренности; жить однимъ безъ общества, и удалиться отъ всего обхожденія? Можете ль вы склониться на сладчайшія обязательства фамиліи, на дружескія и пріятныя обхожденія? Можете ль тѣмъ веселостямъ предаться, чтобъ открыть сердце ваше искреннему и справедливому другу? На конецъ, можете ли тронуты быть сладкими возбужденіями сходственнаго нрава?

Сіи тѣсныя и пріятныя дружбы, отвѣчалъ Арсенъ, которыя вы столько выхваляете, ничего прелестнаго и основательнаго въ себѣ не имѣютъ, отъ са́мой бездѣлицы зависятъ, отъ не наблюденія порядка, отъ неумѣренной скрытности, отъ упрямства, отъ ревности, отъ зависти, отъ не удоволствія, и отъ долговременной отлучки. Онъ посмотрѣлъ на меня холодно, говоритъ одинъ; онъ весьма вольно, или чрезъ мѣру скрыт-

но

но обходится съ моею любительни-
цею, или съ моею женою, порицаетъ
ревнивой; онъ для корысти со мною
знается, и поступки его со всѣмъ
для меня не пристойны, жалуется
скупой; а я его и не зналъ, кри-
читъ измѣнчивой; я жъ давно его
не видалъ, да и позабылъ объ немъ,
говоритъ непостоянной; какая жъ
та дружба, которой по вашему
мнѣнію, надлежало быть вѣчной,
но которая такъ скоро пропадаетъ!
Не правда ль, что вы въ превели-
кой дружбѣ съ тѣмъ, что онъ не
благодаренъ, и что вы вѣчно его
видѣть не хотите! Откуда при-
ходитъ сїя великая перемѣна! Еже-
ли вы хотите вѣдать тому при-
чину, то сїя не истинная была
дружба; по чему? Потому что
оной въ свѣтѣ не обрѣтается; нѣтъ
и сходства нравовъ, которые бы не
имѣли своихъ противностей. Люди
только самихъ себя любятъ; а ве-
селїе, или корысть къ вамъ ихъ

 при-

привлекаютъ. Не имѣете ли вы въ томъ какого сомнѣнія? Можно объявить вамъ о томъ яснѣе. Вамъ не за чемъ итти дожидатися мнимаго друга на гноище, какъ Іову, или итти въ темницу подъ образомъ обвиненнаго, какъ Іосифу. Нѣтъ, сего много, а только придите въ нещастіе, лишитеся чина и имѣнія; еще и того много; прощайтесь тутъ со всѣми посѣщеніями, съ довѣренностію и утѣшеніями вашего друга; тутъ всѣ дружескіе знаки миновались; онъ бѣгаетъ отъ васъ повсюду, а ежели и случится, что онъ что ни будь здѣлаетъ въ вашу пользу; то не ошибайтесь, думая, чтобъ оное для васъ учинено было. Нѣтъ, онъ здѣлалъ то для своего тщеславія; а инако онъ первой былъ бы къ повреждению вамъ въ бѣдственномъ вашемъ состояніи.

Я довольно вижу, перервалъ его рѣчь Эрофилъ, что чудныя постигшія васъ приключенія, вложили въ

васъ

васъ съ омерзѣнíемъ великое презрѣнíе, которое имѣете вы къ придворной и свѣтской жизни; однакожъ вы такъ хорошо удалились, что можете по всѣмъ въ свѣтѣ причинамъ тѣмъ похвалиться, что Принцъ оказалъ такíе великíе знаки особливой къ вамъ своей милости, и такъ сильно утверждалъ невинность и достоинства ваши, что вамъ надобно о томъ имѣть со всѣмъ спокойныя мысли. Онъ вамъ вручилъ имѣнíе и жизнь Першнакса вашего злодѣя. Чтожъ вамъ больше надобно? Вы мнѣ ничего не отвѣчаете, продолжалъ Эрофиль; развѣ есть что ни будь такое, чего я не слыхалъ? И естьлибъ я не опасался наскучить вамъ, тобъ, просилъ раскасать мнѣ, что произошло послѣ того, какъ мы вышли изъ Академии, въ которой вмѣстѣ находились? Вы знаете, что я съ самаго того времени безпрестанно былъ въ службѣ, или жилъ во Францíи, и по тему можете разсудить

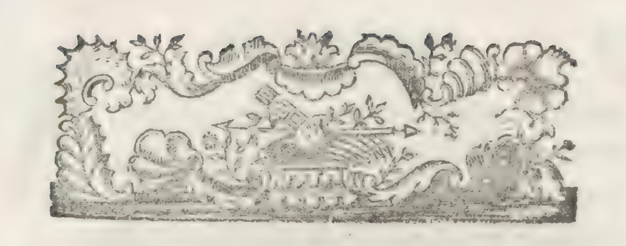
 какъ

какъ все то, что я о томъ могъ увѣдать, состояло въ однихъ не подлинныхъ перепискахъ, которыя могли быть не весьма достовѣрны.

Я ни въ чѣмъ отъ васъ не таился, отвѣчалъ Арсенъ, и для удовольствїя вашего, раскажу вамъ свою исторїю, начиная отъ того времени, съ котораго вы требуете; и вы увидите, коликократными образами угодно было провидѣнїю божескому, вывести меня изъ заблужденїя суетныхъ свѣтскихъ дѣлъ, и вложить въ меня презрѣнїе къ онымъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ИСТОРІЯ
О
АРСЕНѢ

Часть Вторая.

По выходѣ изъ Академіи, въ которой мы вмѣстѣ находились, явился я ко двору. Чинъ перваго министра, въ которомъ былъ мой отецъ и почтеніе, которое къ нему имѣлъ Принцъ, производили почтеніе и ко мнѣ. Со всѣмъ тѣмъ, я больше не могъ онымъ веселиться. Непостоянная женская любовь, ужасное лицемѣріе придворныхъ;

ныхъ; ихъ происки и ухищренія произвели во мнѣ великое къ тому омерзѣніе. Отецъ мой примѣтя оное, хотѣлъ узнать тому причину. Нѣтъ, сказалъ я ему, не могу я веселія найти въ такомъ мѣстѣ, гдѣ лицемѣръ и обманщикъ лучше успѣваетъ, нежели честной человѣкъ; гдѣ непостоянная и невѣрная женщина часто преимущество беретъ надъ добродѣтельною и вѣрною. Я такъ говоря, усмотрѣлъ на лицѣ его великую перемѣну. Онъ безпрекословно простилъ меня, что я говорилъ такъ волъно, по тому, что я мало еще зналъ, какимъ образомъ должно обходиться въ свѣтѣ, но опасаясь, чтобъ я не произвелъ сего въ дѣйство, послалъ меня въ чужіе краи, дабы я научился чрезъ то свѣтскому обращенію.

Пертинаксъ сынъ великаго казначея, жестоко влюбился въ Зелотину, которая превосходила красо-

тою

шою всѣхъ придворныхъ и знатныхъ дѣвицъ. Пертинаксовъ отецъ, вѣдая не обуздапныя страсти своего сына, опасался онъ того худыхъ слѣдствій. И такъ вознамѣрился отправить его со мною вмѣстѣ. Мы вмѣстѣ и поѣхали. Знавали лъ вы Пертинакса, спрашивалъ Арсенъ? Сей человѣкъ меньше всѣхъ обуздывать могъ свои страсти. Къ удовольствію жъ онъхъ не наблюдалъ онъ никакихъ предѣловъ, какъ вы сами увидите.

Мы высмотря все, что было нелучшаго въ Африкѣ, пріѣхали во владѣніе славнаго Абиссинскаго Императора, и жили нѣсколько времени въ столичномъ городѣ белмалекѣ, гдѣ обыкновенно жилъ Императоръ. Со мною случились тутъ такія чудныя приключенія, которыя конечно покажутся вамъ невѣроятными.

Съ начáла моего пребыванія въ семъ городѣ, препроводилъ я такую

же

же нечувствительную жизнь, какъ и прежде. Но Пертинаксъ жилъ инымъ образомъ; онъ вдался въ любовь, и очень много веселился съ женщинами; расказывалъ мнѣ о своемъ щастіи. Возможно ли, говорилъ я самъ въ себѣ, чтобъ разумной человѣкъ такъ началъ безумствовать? Вы увидите, что съ симъ человѣкомъ произошло, когда онъ началъ было порочить другихъ поступки.

Въ одинъ прекрасной Майской день, вставъ ранѣе обыкновеннаго, пошелъ прохаживаться въ Императорской садъ, гдѣ нѣсколько погулявъ, усталъ и сѣлъ на одномъ изъ дерну здѣланномъ канапе, которое подъ однимъ густымъ деревомъ стояло. Тутъ уклонивъ свою голову, вдавался я въ наиглубочайшія размышленія; былъ не подвижимъ, и не инако отъ того пришелъ въ чувство, какъ сильнымъ духомъ крѣпкаго спирта. Но какое было мое удивленіе, когда я предъ

собой

собой увидѣлъ дѣвицу прелестнаго виду и красоты! Она держала въ рукѣ своей маленькую золотую склянку, изъ которой давала мнѣ нюхать. Тогда хотѣлъ я встать, чтобъ оказать ей знаки моего почтенія и благодарности; но силъ моихъ къ тому не доставало. Нѣжная слабость и холодъ вступили во всѣ члены моего тѣла, и я не могъ здѣлать нималѣйшаго движенія. Краснѣлъ, блѣднѣлъ, вздыхалъ, хотѣлъ говорить; но разумъ мой смутился, и пришелъ въ безпорядокъ. Языкъ мой такъ былъ связанъ, что никакъ мнѣ было онымъ дѣйствовать не возможно, нижѐ промолвить хотя единое слово. Сія несравненная дѣвица, видя со мной хорошую перемѣну, оставила меня, и пошла со многими дѣвицами, которыя казались быть для ея услугъ. Я хотѣлъ слѣдовать за ней, естьлибъ подгибающіяся нóги подъ бременемъ моего тѣла не оставляли меня на семъ зеленомъ

канапе.

канапе. Я терзался жестокимъ отчаянїемъ, что не вѣдалъ своей благодѣтельницы. Не могу раскахать вамъ всѣхъ тѣхъ дѣйствий, которыя взоръ ея произвелъ въ моемъ разсудкѣ. Днемъ не имѣлъ покою; безпрестанно думалъ и волновался; часто искалъ ея въ томъ саду и повсюду. Ночью не спалъ, имѣя мысли наполненны ею; а ежели дремать случилось, то съ тѣмъ токмо, что бы во снѣ ея увидѣть стократно различными образами. Временемъ разумъ мой гораздо укарялъ меня моимъ безпорядкомъ; но сей же самой разумъ восхищенъ и обманутъ будучи жестокою моею страстїю увѣрялся, что я вѣчно не могу довольно отслужить такой дражайшей дѣвицѣ.

Въ одинъ день пришелъ посѣтить меня такой человѣкъ, которой былъ въ томъ государствѣ въ отмѣнномъ почтенїи и въ великой славѣ, и кому

ему мой отецъ оказалъ знатныя услуги въ Мадерѣ. Сей для моей забавы хотѣлъ меня взять съ собою во загородной свой домъ. Такія веселія меня не прелъщали, и естьлибъ учтивымъ образомъ отказаться я могъ, то бы учинилъ непремѣнно. Мнѣ было тогда очень досадно: удивляйтесь смѣшной моей судьбинѣ, что садясь въ карету, вздумалъ, что не былъ того дня въ томъ саду, гдѣ сія дражайшая дѣвица въ первой разъ взору моему предстала. Но увы! какое было мое тогда удивленіе, когда я увидѣлъ ея въ той же каретѣ, и услышалъ, что она дочь сего знатнаго Господина. Мы по причинѣ сего случая сами не знали, гдѣ находились, и во всю дорогу оба такъ робѣли, что не знали сами что дѣлали.

Пребываніе мое въ семъ загородномъ домѣ, и дозволеніе, которое я имѣлъ, видѣть всегда дражайшую сію

дѣвицу, вновь насъ ободрило. Она призналась, что узнала меня при входѣ моемъ въ карету, вспомня, какъ ей въ саду меня видѣть случилось. Говорила мнѣ, что она думала тогда будто я упалъ въ обморокъ. И такъ сожалѣя о тогдашнемъ моемъ состоянїи, и желая подать помочь, давала мнѣ нюхать спирту. Мы находили въ семъ приключенїи нѣчто гораздо чрезвычайное и удивительное. Я разговаривая, увѣдомился отъ ней, что мать ея не давно скончалась, и что она при кончинѣ своей говорила ей о достойнствѣ и превосходствѣ добродѣтели съ такою нѣжностїю и проницательнымъ побужденїемъ, что не возможно было не сжалиться. Былъ у нея одинъ братъ, котораго она очень любила. Она при всѣхъ случаяхъ писать къ нему не оставляла. Я видѣлъ списки нѣкоторыхъ ея писемъ. - Признаюсь вамъ, что я никогда не видалъ столь чувствительныхъ и нѣжныхъ

мыс-

мыслей. Сей толь невинной ея поступокЪ еще больше меня дѣлалЪ страстнымЪ, и я почиталЪ за превеликое щасmїе быть любиму толь благороднымЪ и нѣжнымЪ сердцемЪ.

По томЪ возвратились мы вЪ белмалекЪ, и я имѣлЪ дозволенїе кЪ ней ѣздить. По чему часто я тамЪ бывалЪ, и вЪ хорошїе дни прогуливались мы вмѣстѣ вЪ нещастномЪ томЪ саду, гдѣ я первой разЪ ея увидѣлЪ. Страсть моя ежедневно умножалась, по тому что усматривалЪ я всегда новыя вЪ ней достоинства. Но вмѣсто того, чтобЪ стараться такЪ, какЪ всѣ люди открыть мою кЪ ней любовь; я употреблялЪ всю свою возможность, скрывать то отЪ Уранїи, такЪ называлась, несравненная сїя дѣвица. Я такЪ разсуждалЪ, что ежели она во мнѣ оное примѣтитЪ, то строгость ея лишитЪ меня со всѣмЪ ея присудствїя, да и справедливо разсуждалЪ, какЪ вы увидите.

Одинъ вечеръ послѣ ужина препроводилъ я съ нею гуляя въ алеѣ сего Императорскаго сада. Разговоръ нашъ былъ о несправедливомъ и безчестномъ поступкѣ одного знатнаго человѣка, которой не хотѣлъ жиниться на дѣвицѣ, не смотря на то, что самъ ея просилъ въ супружество, для того что ему по томъ досталось великое наслѣдство. Уранїя хулила сей поступокъ, и говорила, что мущины сами только себя любятъ, а въ женьщинахъ почитаютъ одну свою корысть, или веселїе. Я утверждалъ тому противное, сказывая, что есть люди и другаго сложенїя. Я не примѣтилъ, весьма ли пристрастно говорилъ; только маленькая собачка, которую держала Уранїя на рукѣ, такъ сильно на меня лаять началà, что сказали бъ, будто она съѣсть меня хочетъ. Вы бы не ошиблись, думая, что сїя маленькая скотинка тайность сéрдца разумѣла и ревновала, ежели кто страстно на госпо-

жу

жу ея посмотрить. Сїе подлинно, что когда мущинамъ такъ на нея глядѣть случалось, ета маленькая собачка, озлобясь, на тѣхъ бросалась.

Въ то самое время, какъ мы въ саду такимъ образомъ прогуливались, услышали вдругъ не обычайной шумъ, и увидѣли при концѣ алеи, что свирѣпой левъ къ намъ приближался. Подумали, что онъ ушелъ изъ звѣринца, которой не подалеку отстоялъ оттуда. Я не знаю, обрадовалъ ли меня сей страхъ или опечалилъ. Ибо жалѣлъ я объ Уранїи; но надежда, замѣнить животъ ея своею смертїю, нѣсколько меня утѣшала.

Левъ шелъ на насъ прямо. Я просилъ Уранїю, чтобъ она тогда спасалась, когда я льву сопротивляться стану. Я сказалъ тогда ей страстными словами, что есть люди, какъ она увидитъ, которые могутъ

любить не изъ корысти и веселїя. Въ ту минуту левъ, умножа бѣгъ свой, хотѣлъ броситься на Уранїю, но я съ превеликою скоростїю сталъ между львомъ и Уранїею, и такъ сильно ударилъ льва шпагою въ челюсти, которыя были отверсты, что конецъ у моей шпаги отломился. Въ то самое время превеликая собака, спущенная конечно для того, чтобъ остановить льва, напала на него съ зади, и начала̀ жестоко съ нимъ драться. Мнѣ сперьва льва убить хотѣлось, но переломленная моя шпага не пробивала его кожи. На конецъ левъ осилилъ собаку, ударилъ ея о землю, и подмявъ подъ себя, раздиралъ ея своими когтями, и давилъ такъ, чтобъ живот окончить. Собака жестоко визжала; на крикъ сей маленькая Уранїена собачка скочила съ руки у своей госпожи на́-земь, и прибѣжала большой собакѣ на помощь. Удивляйтесь храбрости сея маленькїя скотинки. Она визжала, лаяла, кусала

сала льва: но больше еще льву удивитесь, которой сѣ одного бѣ разу могѣ лишить ея жизни; со всѣмѣ тѣмѣ не смѣлѣ ея тронуть, нижѐ посмотрѣть на нея. Я побѣжалѣ, чтобѣ взять маленькую сїю собачку, зная, что Уранїя очень ея любила. Я пользовался тѣмѣ временемѣ, пока левѣ еще сѣ большою собакою дрался. Маленькая собачка, такѣ какѣ бы вспомнила о первой своей ревности, не хотѣла мнѣ даться, да еще и укусить меня хотѣла. Какое было мое удивленїе, когда увидѣлѣ, что Уранїя изѣ за меня рукой своей сїю собачку ловила; я дрожалѣ отѣ страху, и просилѣ ея, чтобѣ она ушла поскорѣе. большая собака умирала, и левѣ свобождалѣ ужѐ свои когти изѣ ея тѣла, смотрѣлѣ на меня, и готовился со мною сразиться. Я вторично свою шпагу противѣ его поставилѣ; но онѣ отѣ оной отворачивался, кусая ея. Вѣ то самое время двѣ свѣжїя собаки, которыя конечно

нечно спущены были на крикЪ той, которую левЪ заѣлЪ до смерти, бросились на него, и начали жесточаѣ перваго сраженія. Я между тѣмЪ старался опять притти кЪ Ураніи, чтобЪ проводить ея домой. На пути говорилЪ ей о страхѣ, которой я имѣлЪ, увидя, какЪ хотѣла она поимать свою собачку. Она пріятнымЪ и благодарнымЪ видомЪ отвѣтствовала мнѣ, что она ни о себѣ, ни о собачкѣ такЪ не опасалась. Я думалЪ, она обо мнѣ скажетЪ; и для того палЪ кЪ ногамЪ ея, чтобЪ показать мою ей благодарность, и взявЪ поцѣловалЪ у нея руку. Она краснѣла, блѣднѣла и дрожала тогда больше нежели отЪ приближенія львинаго. На конецЪ ушла, оставя меня, и заперлась вЪ одномЪ своемЪ покоѣ, не сказавЪ мнѣ ни сло́ва. Я пошелЪ вЪ свою сторону, когда духЪ мой жестоко смущался о происшедшемЪ.

Неосторожность моя дорого мнѣ стала. Я съ три мѣсяца не говорилъ съ Ураніею. Она всегда отъ меня убѣгала, а когда и случилось глазамъ ея съ моими встрѣчаться, то сіе происходило для того только, чтобъ обличить имъ мое дерзновеніе.

Въ одинъ день отъ жестокаго и несноснаго моего состоянія, вышелъ я изъ терпѣнія, и будучи въ крайнемъ отчаяніи, пришелъ въ комнату къУраніи и видя, что она одна тутъ пребывала, упалъ я предъ ея ногами и говорилъ такъ: правда, государыня моя, что я дерзской безщастной, и которой больше всѣхъ преступленіе зделалъ; хочу теперь обмыть кровію моею обиду, которую я вамъ учинилъ. Я пришелъ о томъ сказать вамъ и впослѣдни предъ глаза ваши явиться. Потомъ ставъ, искалъ дверей, чтобъ вытти. По видимому усмотрѣла она отчаяніе изъ глазъ моихъ: постойте, сказала она мнѣ,

я хочу поговорить съ вами. Въ ту минуту, какъ она мнѣ только одно слово сказала, лакей пришедъ увѣдомлялъ, что братъ ея изъ арміи пріѣхалъ. Подите, промолвила она во всемъ васъ прощаю, слыша толь пріятное извѣстіе; только впредь никогда меня видѣть не будете. Другой лакей вошелъ, и сказалъ ей, что братецъ ея ужè идетъ къ ней въ палаты; что побудило меня поскорѣе выйти, чтобъ ихъ однихъ оставить, опасаясь помѣшать ихъ веселью. Отъ глубины сéрдца моего почувствовалъ я благодарность за одложеніе, которое оказалъ мнѣ сей братъ при Ураніи, сестрѣ своей. Я стократно своею жизнію ему служить бы не отрекся.

Вы усмóтрите послѣ, какъ я его узналъ. Въ сей же день отужинавъ съ Пертинаксомъ, пошелъ я съ нимъ прогуляться. Возвращаясь съ гулянья, увидѣли мы противъ насъ

двухъ молодыхъ кавалеровъ: одинъ шедъ по сю сторону дорóги нарочно или нечаянно въ темной нóчи, ударилъ шпагою Пертинакса, которой скоро обнажилъ и свою. Оба сïи кавалера вооружились, и я учинилъ тоже. Пертинаксъ со мною сталъ противъ двухъ сихъ молодыхъ кавалеровъ; онъ побѣдивъ своего сопéрника, убилъ до смерти; а я только что отводилъ отъ себя удары, которые чинилъ мнѣ мой соперникъ; я хотѣлъ только уступить, и отдать шпагу, какъ тотъ не выждалъ, и самъ всѣмъ тѣломъ на мою шпагу накололся: Народъ собрался взять насъ; Пертинаксъ пробравшись ушолъ, а я пойманъ и посаженъ былъ въ темницу; вамъ не льзя вообразить себѣ прекрайняго моего нещастïя. Уязвленной человѣкъ моею шпагою, былъ братъ Уранïинъ. Сей столь дражайшïй братъ, сей братъ которому я обязанъ былъ милостïю Уранïи, и которой съ часъ послѣ раны въ

ру-

рукахЪ у нея умерЪ. Правда, сказалЪ я судьѣ, которой меня допрашивалЪ; я злой и непотребнѣйшїй всѣхЪ людей, и нѣтЪ у васЪ довольно мучительнаго истязанїя, чтобЪ наказать ужасное и проклятое мое преступленїе. Судья сей приказалЪ своему регистратору, написать все, что ему было угодно; а мнѣ подали только подписаться. Я учинить того не умедлилЪ, думая тѣмЪ поскорѣе лишиться жизни. ВотЪ и послѣдней ударЪ, которой лишилЪ всего меня терпѣнїя. Рѣшенїе обо мнѣ было такое, что будто я бившись сЪ УранїинымЪ братомЪ, которой вЪ темнотѣ просвѣтясь нѣкоторыми лунными лучами, меня узналЪ, бросилЪ свою шпагу и бѣжалЪ со мною обняться; а я вмѣсто того, чтобЪ принять такимЪ же образомЪ, употребилЪ будто сей случай, чтобЪ заколоть ево своею шпагою. ВЪ допросѣ, которой я подписалЪ, казалось, что я вЪ семЪ убивствѣ самЪ признал-

ся. Стыдъ и безчестїе столь сквернаго и безбожнаго дѣла, въ которомъ я по допросу самъ признался, такъ жестоко меня разилъ, что я лишался почти всего чувства, а сперва какъ я о томъ увѣдалъ, то больше двухъ часовъ въ такомъ жалкомъ состоянїи находился, что судья принужденъ былъ вытти, и оставить у меня доктора. Наконецъ, какъ я пришелъ въ себя, оставили меня въ покоѣ. Боже мой, какой покой! какъ! говорилъ я самъ въ себѣ: это я убилъ, безчастная Уранїя, того брата, котораго ты столь горячо любила? Сїе всего чувствительнѣе было вашему сердцу, и тѣмъ самимъ пронзить я его старался. Сей столь дражайшїй братъ шелъ меня обнять! Сказали ль вамъ, что я грудь его тогда шпагою моею пронзилъ; какая награда за несказанныя ваши милости? Вы теперь меня почитать должны, продолжалъ я, неблагодарнымъ и ужаснымъ смертоубивцемъ, къ которому больше всѣхъ омерзѣнїя имѣть должно.

Раз-

Разсуждая такъ, услышалъ шумъ у дверей, и увидѣлъ шедшую ко мнѣ Уранїю, въ лицѣ ея усматривалъ несказанную печаль; бѣжалъ пасть предъ ея ногами, говоря ей прерывающимися словами отъ рыданїя; простите, государыня моя, и не гнѣвайтесь, что я еще живъ на свѣтѣ, печаль одна меня не умерщвляетъ. Такой безщастной человѣкъ, какъ я, недостоинъ окончить жизнь свою иначе какъ жестокими и безчестными казньми.

Уранїя отвѣтствовала мнѣ облившись слезами, что она знаетъ мою невинность; братъ ея сказалъ ей, какъ я отводилъ только отъ себя его удары, не желая лишить его жизни; но онъ самъ накололся на мою шпагу; просилъ ея при концѣ своея жизни, чтобъ засвидѣтельствовать чрезъ сїе мою невинность, и кончаясь упросилъ ея, что она всевозможное старанїе употребить обѣщалась, дабы из-

избавить меня отъ сего бѣдства и заключенія, она говорила и производила все, что ей было возможно къ моему оправданію; но выслушать ея не хотѣли. Человѣкъ, убившей Пертинаксомъ, былъ Канцлерской внукъ, которой утѣшиться о немъ не могъ. И такъ я и Пертинаксъ, котораго повсюду искали, приговорены были къ смерти Императорскимъ совѣтомъ. Со всѣмъ тѣмъ пришла она меня свобождать изъ темницы, и спомоществовать къ моему спасенію. Я не хотѣлъ пользоваться сею милостію; говорилъ ей, что весьма виновенъ, что въ щастіи преступилъ предѣлы благопристойности, и причинилъ ей тѣмъ скорьби, которыя должны наказаны быть наижесточайшимъ мученіемъ. Мы долго о семъ говорили; но на конецъ мнѣ ей уступить надлежало, и я одѣвшись въ платье дѣвки, которую она привела съ собой, и которая вмѣсто меня осталась, вышелъ изъ темни-

цы. Она говорила, что здѣлавъ такое для меня дѣло, въ Белмалекѣ больше жить не возможно. И такъ приняла намѣренiе слѣдовать со мною въ Мадеру, ежели я дамъ слово на ней женишься, невинность мою Провидѣнiе когда ни будь откроетъ, а то, что я для нея дѣлалъ при нападенiи львиномъ, оправдитъ ея предъ всемъ свѣтомъ. Какъ я далъ ей свое слово, то скоро отпустила она меня съ довольнымъ экипажемъ. Мнѣ не льзя было мешкать. Она дала мнѣ свой ларчикъ, въ которомъ были драгоцѣнные каменья, велѣла себя дожидаться въ Мелиндѣ, обѣщала туда такъ скоро прiѣхать, какъ ей будетъ возможно.

Какая перемѣна въ моемъ щастiи! Я почиталъ себя ненавистнымъ и презрѣннымъ отъ Уранiина гнѣва, и вмѣсто всего утѣшенiя ожидалъ скорѣе безчестной смерти. Но видѣть себя избавленнымъ, любиму

быть

быть Ураніею, и скоро на ней жениться, какая перемѣна! какая дражайшая перемѣна! Но послушай дражайшій Эрофиль; люди не съ тѣмъ родятся, чтобъ щастливыми быть въ сей жизни. Какая печаль, какое сокрушенье! когда подумаю, что отецъ мой на супружество сіе не согласится, и не приметъУраніи такъ, какъ я желаю, и сколько она достойна.

Пріѣхавъ въ Мелиндъ, услышалъ я, что Пертинаксъ ушолъ въ матросскомъ платьѣ, и находится при дворѣ Мадерскомъ; что отецъ мой увѣдомился о моемъ злоключеніи, и что я осужденъ буду, жалѣя о томъ весьма много, впалъ въ болѣзнь и по нынѣ находится въ крайней опасности. Я бы тысячью своихъ жизней охотно поступился, чтобъ прибавить одинъ

день родительской жизни. Но тогда я разсуждалъ съ веселїемъ о его смерти, думая тѣмъ дѣла̀ свои совершить самовластно, и по желанїю жениться на Уранїи; и вмѣсто того, чтобъ итти утѣшать отца своего и присудствїемъ своимъ избавить его отъ болѣзни, жилъ все въ Мелиндѣ, ожидая Уранїина прибытїя; но напротивъ того сколь же много я и наказанъ за неправедное и варварское сїе мнѣнїе письмомъ, которое она ко мнѣ отписала и отъ котораго конечно думалъ лишиться жизни. Оное было слѣдующаго содержанїя, что она готовилась къ отъѣзду, но одумавшись, усмотрѣла, что она чрезъ то честь и славное свое имя въ свѣтѣ потеряетъ; что можетъ быть я впредь меньше почитать ея ста́ну; что можетъ быть фамилїя моя съ гнѣвомъ и презрѣнїемъ на все смотрѣть

трѣтъ будетъ; что и меня чувствительно огорчать имѣетъ; и такъ, чтобъ всего того избѣжать, приняла она намѣренie лишиться свѣта и удалиться въ одинъ монастырь, для окончанiя остатка дней своея жизни; а меня усердно просила, чтобъ я взялъ себѣ для ея памяти драгоцѣнные ея каменья.

Правда, Уранiя, говорилъ я самъ себѣ, что ты гораздо не справедливѣе и жесточаѣ совѣта Императорскаго и всѣхъ казней вмѣстѣ. По что свобождать было изъ темницы? по что давать мнѣ жизнь, чтобъ препроводить ея въ разлукѣ съ тобою, въ жестокомъ и въ крайнѣ-нещастномъ состоянiи? Первое намѣренie было то, чтобъ опдать себя въ то заключенie, откуда Уранiя меня свободила, и просить опредѣлен-

ной мнѣ смерти Императорскимъ совѣтомъ. Въ семъ находилъ я то утѣшенїе, чтобъ учинить отмщенїе Уранїи.

Какъ первыя сїи размышленїя миновались; помышлялъ я о слабостяхъ, о превосходномъ разумѣ и о добродѣтели Уранїи, и почиталъ себя въ разсужденїи ея негоднымъ, слабымъ и недостойнымъ человѣкомъ. Какъ? сказалъ я самъ въ себѣ, отецъ мой умираетъ отъ того, что любитъ меня много, и терзается по причинѣ моего отсудствїя и нещастїй; но я неблагодарной и недостойной сынъ, вмѣсто того, чтобъ спѣшить къ нему на пòмочь, и ободрить его своимъ прибытїемъ, живу̀ здѣсь, утопая въ любви, дожидаясь любительницы, которая меня покидаетъ, и отдаетъ на жертву жесточайшимъ муче-

мученїямъ. Такїя разсужденїя и множество прочихъ, которыхъ здѣсь теперь описать мнѣ вамъ не возможно, привели меня въ чувство и принудили ѣхать въ Мадеру; куда я скоро и прибылъ; нашелъ тамъ отца своего при смерти. Ты опоздалъ, любезный мой сынъ, сказалъ онъ мнѣ, простирая свою руку; присудствїе твое не возвратитъ ужѐ моея жизни; однако я умираю съ покоемъ, по тому что въ твоихъ объятїяхъ; имѣй твердую вѣру, дражайшїй мой сынъ, продолжалъ онъ слабымъ и прерывающимся голосомъ, люби своего Принца, не удаляйся ни мало отъ его интересовъ, и постоянно сноси злощастїя; будь тѣмъ постояннѣе и непоколебимѣе, чѣмъ упорнѣе гнать тебя станутъ. Слéзы тогда лились у меня ручьями, и я умиралъ съ жалости, слыша выговоръ за то,

что

что не пришелъ прежде, и тѣмъ сталъ причиною смерти отца своего. Полно намъ ослабѣвать, дражайшій сынъ, продолжалъ онъ, мнѣ надобно съ тобой разстаться, и естьли бъ еще я могъ порадоваться послѣ смерти, то желалъ бы видѣть тебя честнымъ и добрымъ человѣкомъ: при послѣднихъ словахъ память у него отнялась; а по томъ скоро и скончался.

Смерть его столько мнѣ была чувствительна, и столько мною овладѣла, что я старался только исполнить послѣднія родительскія приказанія, то есть, чтобы единственно наблюдать свою должность и свою честность.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

АР.

АРСЕНЪ,

ИЛИ

СУЕТА СВѢТА.

Часть Третія.

Е Принцъ сожалѣя о смерти отца моего, говорилъ въ прославленіе его многія весьма похвальныя произведенныя имъ дѣла; а мнѣ всѣ чины его пожаловалъ. Какъ годъ траура минулъ, соизволеніе его было, чтобы меня женить. Невѣста, которая для меня была назначена, называлась Зелопина. Она была прекраснѣе всѣхъ придворныхъ дѣвицъ. Сія дѣвица была та самая, въ которую Пертинаксъ весьма влюбленъ

былъ. Весь дворъ веселился симъ супружествомъ, выключая Пертинакса, которой не со всѣмъ свободясь отъ своей къ Зелопинѣ страсти, крайнѣ о томъ соболѣзновалъ; но скрывалъ свою досаду, которая ужѐ спустя много по томъ времени, на ружу вышла.

Казалось, что Зелопина и я, могли бы препроводить наищастливѣйшую жизнь. Мы были молоды, богаты, въ почтенїи у всѣхъ придворныхъ, и въ любви у своего Принца; не были ль то великїя благополучїя причины? Со всѣмъ тѣмъ, мы не были еще щасливы; и щастїе есть вещь не опредѣленная человѣку въ сей жизни: Зелопина жестоко ко мнѣ ревновала. Я напротивъ того всю возможность употреблялъ, чтобъ не подать ей ни малѣйшїя причины къ подозрѣнїю. Предосторожности мои были безполезны, и только что скорбь ея умножали. Она увѣряла меня

день и ночь любовїю и вѣрностїю своею. Временемъ своими выговорами и ревнивыми подозрѣнїями, иногдажъ нѣжностями нарушала покой своего и моего се́рдца. Говорила, будто я имѣю къ ней одно только почтенїе и благодарность не чувствуя ея страсти. Я поступалъ всегда со учтивостїю; не имѣлъ нетерпѣливости ея видѣть. Я къ ней не ревновалъ, и объ ней не сокрушался. Она говорила, будто Уранїя всю нѣжность се́рдца моего истощила, ей ничего не оставя; и что она съ охотою желала бъ перемѣнить долю свою съ Уранїею. Я долженъ былъ сносить всякой день такїя укоризны; да и время столь великой врачь, ничего въ томъ не успѣвало. Я отъ супружества ея имѣлъ сына и дочь; всѣ ея старанїе состояло въ томъ, чтобъ воспитать ихъ честнымъ образомъ, дабы тѣмъ склонить меня къ себѣ наибольше. Никакой отецъ не могъ столько,

 какъ

какъ я, имѣть отъ своихъ дѣтей удовольствія. Сынъ мой хотя былъ очень молодъ, но удивительно, какъ хорошо располагалъ свои упражненія, и оказывалъ столько разума и разсужденія, какъ бы самой искусной придворной человѣкъ. Дочь моя будучи восемьнатцати лѣтъ, помрачала всѣхъ придворныхъ красавицъ. А меня наибольше веселила ея добродѣтель и любовь ко мнѣ своему родителю.

Пертинаксовъ отецъ, будучи великимъ казначеемъ, скончался. Пертинаксъ старался получить его чинъ. Принцъ ему отказалъ, вручая оной мнѣ. Я просилъ отъ того меня уволить; но Принцъ требовалъ послушанія. Я все, что мнѣ возможно было, говорилъ къ моему оправданію съ Пертинаксомъ. Онъ казался тѣмъ быть доволенъ; но любительница и чинъ отца его, похищенные мною, заразили сердце его ревнивостію

стію и отмщеніемъ; чего онъ по смерть свою не оставилъ.

Труды мои въ отправленіи великаго казначея должности, имѣли щастливой успѣхъ, отъ части для того, что доходы знатно умножились, а съ другой стороны, что и Принцъ щедро за то меня награждать изволилъ; что я принималъ не безъ угрызенія моей совѣсти, въ разсужденіи тягости, претерпѣваемой многими нещастными, которые государственные расходы снабдѣвали.

Въ то время воспослѣдовала жестокая война между нами и Королемъ Анголомъ. Успѣхъ оружія былъ намъ противенъ; и дѣла такъ худо происходили, что мы часть самаго лучшаго нашего войска, и знатнѣйшія мѣста потеряли. Сіе насъ учинило не способными продолжать войну далѣе. Надлежало прекратить оную. Я чрезъ

свои

свои происки такъ хорошо успѣлъ, что Абиссинской Императоръ принужденъ былъ обьявить себя посредникомъ нашего несогласія, и начать войну съ тѣмъ, кто не будетъ склоненъ на его посредство. Требованія обѣихъ сторонъ поручены были сему Государю. Какъ я увидѣлъ, сколь важно было склонить его на нашу сторону; то опредѣлилъ послать къ нему дары, и деньги главнѣйшимъ его Сенаторамъ. Уранія чрезъ великія свои достоинства здѣлалась главною въ томъ монастырѣ, гдѣ она находилась. А какъ сей монастырь былъ самой лучшій и богатѣйшій во всемъ государствѣ, то и находилось въ немъ множество дѣвицъ самыхъ знатныхъ. Сіе самое познакомило Уранію со всѣми знатнѣйшими того государства; но въ знатность наибольше приводило ея то, что отецъ у нея былъ первоначальнымъ въ Императорскомъ Сенатѣ. Сія была основательная причина, по кото-

которой могъ я чрезъ Уранію раздавать деньги, для совершенія моего дѣла; по чему и посылалъ я на ея имя векселй. Дѣла такъ скрытны были, и толь благополучной успѣхъ имѣли, что Императоръ на нашу сторону склонился, принудилъ Короля Ангола, заключить съ нами миръ, и отдать намъ завоеванныя наши мѣста. Но какъ сей миръ могъ бы скоро прерваться, то, чтобъ принудить сего Императора, содержать оной ненарушимо, здѣлалъ я чрезъ Уранію, чтобъ ежегодно давать награжденіе главнѣйшимъ Сенаторамъ. Такимъ образомъ получилъ я все мною желанное. Я употреблялъ на сіе скопленныя мною деньги отъ щедрыхъ подарковъ, которые получалъ ежедневно отъ Принца, увѣренъ будучи, что разумнымъ министрамъ надлежитъ употреблять щедрости своихъ Принцовъ къ благополучію и славѣ ихъ государства. Вы удивитесь, что я

и при началѣ сея политики и раздачи, ничего не сказывалъ Принцу, спасаясь того, что можетъ быть оная еще и не удастся, или Принцу не будетъ то угодно. А послѣ ужè не смѣлъ изъяснитися, чтобъ Принцъ не подумалъ, что я прошу отъ него возврату употребленныхъ на то моихъ денегъ. Однимъ тѣмъ веселился, что видѣлъ свою землю избавленну отъ ужасной войны, наслаждающуся спокойнымъ и блаженнымъ миромъ, чрезъ мои труды и употребленныя деньги. Но, вотъ, какой успѣхъ получила сїя политика! Я обвиненъ былъ, будто казенныя деньги пересылалъ въ Бельмалекъ съ тѣмъ намѣренїемъ, чтобъ тамъ, женясь на Уранїи, со всѣмъ поселиться.

Посаженъ за то въ тюрьму, а имѣнїе мое все опечатано было.

Обвиняли меня векселями и квитанцїями на суммы, посланныя къ

Ура-

Ураніи, для раздачи главнымъ Сенаторамъ Абиссинскаго Императора, и для уплаты двухъ писемъ, одного руки Ураніи, а другаго подписаннаго мною. Уранія просила меня, чтобъ я за послѣднее не мешкавъ переслалъ деньги на разплату; что меня весьма хорошо примутъ, и получу отъ Императора все, чего желаю. Другое же письмо руки моей было то, въ которомъ писалъ я о приготовленіи моемъ къ отъѣзду для совершенія нашего дѣла. Сіи два письма были перехвачены, и показаны мнѣ при допросѣ вмѣстѣ съ векселями и квитанціями, по которымъ Уранія заплатила. Я долженъ былъ показать такъ, какъ дѣла происходили, для моего лучшаго оправданія; велѣлъ принести мой реэстръ, письма и записки, касающіяся до сего дѣла. Оныя всѣ запечатаны были въ одномъ крѣпкомъ сундукѣ. Мнѣ только надобно было показать, куда издержаны посланныя деньги къ Ураніи. Деньги

требо-

требованныя ею слѣдовали къ раздаренію главнѣйшимъ Императорскимъ Сенаторамъ, которыхъ на нашу сторону склонить надлежало. Путешествіе, которое мнѣ предпріять надобно было, слѣдовало для того, чтобъ взять векселя и сыскать способы для пересылки денегъ къ Ураніи. А понеже дѣла надобно было производить весьма тайно; то я и дѣлалъ все одинъ, не призывая никого къ себѣ на помощь. Но я не хотѣлъ открыть судьѣ, которой меня допрашивалъ о сихъ произшествіяхъ опасаясь, чтобъ не здѣлать бо́льшаго предосужденія Государству слухомъ, которой по свѣту о томъ пронесется, когда о политикѣ нашей увѣдаютъ. Я никогда не могъ подумать, чтобъ такое дѣло худо принято быть могло. И для того сказалъ я судьѣ, что я одному Принцу открыть могу тайность сего дѣла. Судьи инако толковали мое молчаніе, и думали, что сіе было мое пронырство,

ство, чтобъ тѣмъ избавиться достойнаго наказанія за мое преступленіе. Со всѣмъ тѣмъ вездѣ говорили, что осужденіе мое было неизбѣжно; и что я конечно умереть долженъ. Сколь много человѣческое сердце не справедливо и не милосердо къ злополучнымъ! Министръ почтенный, славный во всемъ свѣтѣ, богатый, и имѣвшій великое во всемъ изобиліе, оказывавшій знатныя услуги многимъ людямъ; и которому часто клялись благодарностію и вѣчною дружбою; супругъ и отецъ предъ симъ столь любимый женой, дѣтьми и пріятельми своими; видитъ себя теперь презрѣннаго и оставленнаго отъ всего свѣта, безъ помощи, безъ утѣшенія и безъ всего потребнаго въ жизни! Зелопина супруга, которой сердце всегда столь нѣжно и распаленно быть казалось, не хочетъ меня больше видѣть, оставляетъ и удаляется въ монастырь, будучи не основательно предупреждена;

будто я хотѣлъ ея покинуть и ѣхать жениться на Ураніи, называетъ меня неблагодарнымъ, измѣнникомъ и злодѣемъ. Дочь моя, которую я всегда почиталъ столь добродѣтельною, и которая меня такъ горячо любила, не посѣтила меня ни однажды. А къ большему еще нещастію, слышалъ я, что она препровождаетъ цѣлые дни, запершись одна въ комнату съ Пертинаксомъ, нимало не охраняя своей чести и добраго имени. Ахъ! какое чувствовалъ я тогда рвеніе, уныніе и отмщеніе. Сынъ мой, казалось, что прекратилъ всѣ естественныя свои дарованія, и позабылъ меня съ тѣмъ, чтобъ безвыходно быть у своего Принца. На конецъ лучшіе мои пріятели начали прежде всѣхъ гнать меня въ нещастіи и порочить мой поступокъ. Однакожъ я утѣшался тѣмъ мнѣніемъ, что невинность моя скоро объявится чрезъ письма, которыя найдутъ въ крѣпкомъ сундучкѣ за печатью; и что вся фамилія и друзья

мои

мои укарять себя будутъ несправедливымъ своимъ мнѣнїемъ.

Я съ нетерпѣливостїю дожидался открытїя сей печати. Но вдругъ услышалъ, что домъ мой зажженъ былъ и сгорѣлъ безъ остатку. Тогда-то думалъ я со всѣмъ погибнуть, усматривая, что сгорѣлъ сей крѣпкой сундучокъ, въ которомъ находились къ оправданїю и невинности моей служащїя письма. А сїе и послѣдней меня лишало надежды, что два безстыдные человѣка нагло утверждали мнѣ въ глаза, будто я хотѣлъ имъ дать деньги за то, чтобъ сожечь мой домъ. Разсуждали, что сїе учинить было должно для того, чтобъ утаить находящїяся къ обличенїю моему вещи. Такимъ образомъ осужденїе мое единогласно клонилось къ смерти. Затрудненїе судьямъ моимъ было то, чтобъ знать, въ какомъ бы преступленїи уличить и о-

судить меня можно было. Естьли сказать, что я похищалъ казну, то не имѣли они нималѣйшаго доказательства; не было такъ же причины, осудить меня какъ зажигальщика. Объявленія сихъ двухъ свидѣтелей не довольно, по тому что я не велѣлъ имъ зажигать дому, но только будто о томъ имъ говорилъ; по чему исполненія еще не видно было. Для сихъ причинъ осужденіе и казнь мою отложили до утра.

Удивитесь, можно ли подсудственну быть людямъ! Судьи мои приговорили меня къ смерти, ни о чемъ не подумавъ. А когда пришло сказать, въ какомъ я преступленіи обличенъ, того они не знали, и на томъ остановились. Въ бо́льшее удивленіе придете, когда усмотрите, какимъ образомъ божественное провидѣніе не взираетъ на человѣческія слабости, совершая все концемъ опредѣленнымъ.

Вы легко можете себѣ представить, какимъ образомъ препроводилъ я ту ночь, узнавъ свое осужденіе, и какъ дѣла происходили. Я со удивленіемъ разсматривалъ человѣка, его слабости и бѣдственное его состояніе, съ которымъ сопряжена жизнь его; представлялъ себѣ степени чéсти и славы, на которыя видѣлъ себя возвышеннымъ. Сіе толь скорое и такъ мало мною заслуженное низверженіе, безчестіе моей кáзни, стыдъ, падающій на мою дочь, воспоминаніе о моемъ отцѣ, которой столь чувствителенъ былъ къ чéсти, воображеніе, сколь много онъ сожалѣлъ бы о моихъ нещастіяхъ, мучили меня несказанно. Уранія не меньше меня терзала, когда на мысль мнѣ приходило, что она почитать себя будетъ причиною моего страданія и безчестія. Едва не роптал я на небо о его несправедливости; а иногда думалъ, что не было провидѣнія, по тому что

осужденъ за такое преступленїе, которому не былъ виною, и привлекъ въ мое нещастїе такихъ людей, которые не для того рождены, чтобъ сносить толь жестокую и безчестную судьбину.

На конецъ часъ приближался, котораго я ожидалъ для своей казни. Услышалъ вдругъ превеликой шумъ у дверей, и видѣлъ шедшаго ко мнѣ Капитана Принцовой гвардїи. Какое мое было тогда удивленїе, когда я отъ него услышалъ, что онъ пришелъ отъ Принца съ обнадеживанїемъ, что онъ, узнавъ мою невинность, приказалъ меня освободить.

Въ сїю минуту наипаче всего побудило меня то, что я приписывалъ провидѣнїю божїю несправедливость, обвиняя оное столь неблагодарно и безбожно, чувствуя напротивъ того многїя божескїя милости.

Я нимало не медля, пошелъ благодарить Принца. Увѣдомился, что тотъ крѣпкой сундучокъ, въ которомъ были письма, служащїя къ моему оправданїю, упалъ во время пожара изъ верьхняго покою въ нижней залъ, и отъ тяжести золота, которое въономъ лежало, упалъ глубоко въ навозъ, приготовленной для померанцовъ, и тѣмъ отъ огня сохранился. Нашли оной послѣ подъ развалеными стѣнами со всѣмъ невредимымъ. Мнѣ сказали, что Принцъ приказалъ оной отперетъ при себѣ, и по бумагамъ и письмамъ, которыя въ ономъ находились, узналъ, что деньги, которыя я послалъ изъ Мадеры, принадлежали мнѣ; а употреблены были для одной государственной пользы. Принцъ признался, что Мадера получила превеликую отъ того выгоду. Меня увѣряли, что Принцъ весьма сожалѣлъ о моемъ утѣсненїи, и о неправдѣ мнѣ причиненной. Видѣлъ претерпѣваемыя

мною гоненія отъ клеветы моихъ злодѣевъ, которыхъ Принцу вѣдать хотѣлось. И для того приказалъ изслѣдовать правду изустно отъ двухъ доносителей, которые показывали, будто я хотѣхъ имъ дать деньги, для сожженія моего дому. Принцъ увидѣлъ, какъ они въ допросѣ призналисъ, что Пертинаксъ научилъ ихъ произвести на меня такое оклеветаніе. Онъ же далъ имъ деньги за сожженіе моего дому. Принцъ усмотрѣлъ при томъ Пертинаксовы противъ меня чувствительности и отмщенія причины, и вѣдая опасной и злой его нравъ, приказалъ его арестовать. Пертинаксъ въ отчаяніи признался въ томъ, что сіи два свидѣтели на него показывали. Онъ только требовалъ себѣ смерти, и самъ на свою жизнь покушался; да и совершенно приговоренъ бы былъ къ смерти.

Я видѣлъ Принца, которой говорилъ, что онъ о невинности моей

ей извѣстенъ, а Пертинакса хотѣлъ наказать за его оклеветанїе и злое преступленїе. Мнѣ жаловалъ все конфискованное его имѣнїе. Я упалъ предъ Принцовыми ногами, просилъ у него за всѣ понесенныя мною напасти, и за многїя вѣрныя мои къ нему услуги, простить Пертинакса. Онъ мнѣ въ томъ отказалъ; но я такъ хорошо изъяснилъ ему чувствительную ревность, которую имѣлъ ко мнѣ Пертинаксъ, что Принцъ склонился; а наипаче тѣмъ, что Пертинаксъ, будучи гордъ, чувствительное наказанїе примешъ, получа чрезъ меня Принцову милость. Со всѣмъ тѣмъ, я удостоился получить исполненїе по моей прозьбѣ. Тотчасъ пошелъ къ Пертинаксу, чтобъ прежде всѣхъ о томъ увѣдомить и свободить его изъ заключенїя. Онъ, видя меня, трепеталъ, отступая назадъ. Но я напротивъ того приближался къ нему съ откровеннымъ и искреннимъ

 серд-

сердцемъ, объявляя ему, что исходатайствовалъ у Принца ему свободу, чѣмъ его и поздравлялъ. Я говорилъ, подавая руку: позабудемъ, Пертинаксъ, прошедшее, и все то, что вы терпѣть меня принудили. Я прошу вашей ко мнѣ дружбы. По сихъ словахъ, брови у него поднимались, видъ перемѣнялся, глаза его становились дики и свирѣпы; хотѣлъ говорить, но грудь его такъ тѣснила, что онъ не могъ промолвить, и упалъ въ обморокъ. Призванные доктора нашли его въ крайнѣ худомъ состоянiи, и опасались, чтобъ присудствiе мое не здѣлало ему бóльшаго вреда, приказали мнѣ отъ него вытти.

КОНЕЦЪ ТРЕТIЙ ЧАСТИ.

Ар-

АРСЕНЪ,

ИЛИ

СУЕТА СВѢТА.

Часть Четвертая.

Е Я не успѣлъ войти въ тотъ домъ, которой убѣжищемъ своимъ назначилъ, увидѣлъ, что множество людей въ комнату мою пришли, услыша о моемъ благополучіи. Въ началѣ Зелопина, по томъ дочь, сынъ, родственники, домашніе и мои пріятели. На конецъ много сошлось всякаго рода людей, кои всѣ увѣряли меня услугою своею и дружбою, и ужасной шумъ произ-

водили

водили. Простите меня, дражайшій супругъ, говорила мнѣ тогда Зелопина, обнимая мои колѣна, за всѣ мои несправедливыя противъ васъ поступки. Ужѐ въ вѣкъ мой ревновать къ вамъ не буду; и естьлибъ причиною тому не были обманчивыя и язвителныя слова̀ нещастнаго Пертинакса: вы бы никогда не были мною не довольны. Дочь моя, плачя, подавала мнѣ письмо, очень сходное съ моею рукою, и говорила: ктожъ не ошибся въ письмѣ, которое на вашу руку такъ много походитъ? Сіе писмо, казалось мнѣ, отъ васъ послано; оное возбраняло мнѣ васъ видѣть въ заключеніи. Сколь много сіе запрещеніе слезъ мнѣ причиняло! Оноежъ письмо повелѣвало мнѣ почитать Пертинакса такъ какъ моего будущаго супруга, ничего предъ нимъ не скрывая. Сколь много мнѣ себя перемогать надлежало! Я усматривала, что Пертинаксъ, въ милости

былъ

былъ у Принца; а видя вашу опасность, представляла себѣ, что вамъ необходима была его помощь для исходатайствованія Принцовой милости, и чрезъ меня надобно было склонить Пертинакса на вашу сторону. Ахъ! дражайшій отецъ! чего бы я не здѣлала, и не терпѣла для спасенія вашея жизни? Такимъ образомъ пресѣкла она свой разговоръ, проливая слёзы. Сынъ мой разсуждая, говорилъ мнѣ, что онъ для освобожденія моего, за благо разсуждалъ не являться ко мнѣ въ заключеніе; а между тѣмъ усерднѣе стараться о томъ у Принца. Сродственники и друзья говорили такъ же все, что прилично было моему состоянію. Но всего смѣшнѣе, что и тѣ самые, которые разграбили мое имѣніе за нѣкоторые оставшіеся начеты, увѣрить меня старались, будто я долженъ еще благодарить имъ за то, что они съ тѣмъ намѣреніемъ брали мои пожитки,

дабы возвратить оные моей фамилїи.

Признаюсь вамъ, что мнѣ весело тогда было. Одинъ только человѣкъ нашелся, которой послѣдовалъ природѣ, то есть, Пертинаксъ, которой взошедъ въ мою комнату, въ отчаянїи сказалъ мнѣ: изъ всѣхъ мученій, которыя вы терпѣть меня принуждали, Арсенъ, наитягчайшее есть то, что я чрезъ васъ получилъ освобожденїе. Нѣтъ, никогда не бывало вящщаго мученїя, и сердце мое терзается самымъ чувствительнѣйшимъ угрызенїемъ, такъ что не могу я жить на свѣтѣ долѣе. Лишите лучше меня, продолжалъ онъ съ гнѣвомъ, сей несносной жизни. Въ ту самую минуту пронзилъ онъ себя шпагою, и упалъ мертвъ предъ моими ногами. Вотъ первая перемѣна въ моемъ состоянїи! Спустя нѣсколько времени, услышалъ я, что жена моя отъ припадка въ легкомъ скон-

скончалась. Въ дочери моей усматривалъ я бесчестныя дѣйствія Пертинаксова обману. Узналъ, что сынъ, во время моей ссылки, имѣлъ сообщеніе съ моими непріятелями; и намѣренъ былъ итти въ службу противъ своего Принца, которому о томъ и донеслося. Въ тожъ самое время получилъ письмо отъ Ураніи, которое она при концѣ своея жизни ко мнѣ писала; и по смерти своей приказала отправить ко мнѣ сіе письмо, въ ономъ утѣшая меня во всѣхъ моихъ напастяхъ, просила, чтобъ я удалился отъ всѣхъ вещей сего свѣта, а прилѣпился бъ къ Создателю оныхъ.

Могу признаться, что изъ всѣхъ перемѣнъ произшедшихъ въ моемъ состояніи, Ураніино письмо, и новыя отъ того замѣшательства, въ которыя я приходилъ, производили такое во мнѣ омерзѣніе къ свѣту, что со всѣмъ отъ онаго удалился,

да-

дабы окончать остатокъ своея жизни въ семъ уединенїи.

Можно ль, продолжалъ Арсенъ, сыскать мнѣ въ свѣтѣ нѣчто такое чтобы сравниться могло съ симъ уединенїемъ? богатство ль, котораго владѣнїе терзаетъ и безпокоитъ? Честь ли, которая для того только возвышаетъ, чтобъ на послѣдокъ низвергнуть? Забавы ль, которыя соединены съ беспокойствомъ и грустїю? Согласишись со мною, любезной мой Эрофиль, говорилъ Арсенъ, что люди не весьма разумны, кои столь крѣпко и сильно къ такимъ не достойнымъ вещамъ прилѣпляются. Имѣнїя ль на конецъ, которыя прїобрѣсть столь трудно, и коихъ владѣнїе столь мучительно и беспокойно? Положимъ, что хотябы и были сїи преимущества; хотябы сїи имѣнїя истинныя и постоянныя ве-

селїя

селія намъ приносили; но неправда ли, чтобъ мы были легкомысленны, когда бы склонность и сердце наше со всѣмъ къ онымъ прилѣпили; вѣдая, что можемъ всеминушно ихъ лишиться, не отъ пушечнаго выстрѣлу, не отъ громоваго удару? Одна капля воды или пещинка упадшая въ нѣкоторыя мѣста, худые пары и испорченной воздухъ, могутъ насъ лишить того въ одну минуту; да когда бы мы и избѣжали отъ сихъ невапныхъ случаевъ, то коликое время моглй бы мы наслаждаться сими изобиліями? Пятьдесятъ или сто лѣтъ, когда изволите, не покажется ли сіе время меньше одной минуты, въ разсужденіи пространнаго того времени, которое прежде было и послѣ будетъ; по окончаніижъ сего времени, всѣ сіи благополучія вѣчно для насъ исчезнутъ безъ всякой впредь надежды о ихъ возвращеніи.

А понеже то правда, что душа наша безсмертна, и создана отъ превѣчнаго Существа, съ которымъ она должна соединиться; то для чего жъ не стараться намъ въ сей жизни о томъ соединенiи? Естьли жъ склонность, влекущая насъ къ вещамъ сего свѣта, препоною тому; то для чего не перемогать ея, оставляя тѣ вещи съ сего часу?

Человѣческое состоянiе, перервалъ Эрофиль, было бы крайнѣ злощастно, естьлибъ надобно было жить въ нерадѣнiи о всѣхъ состоянiяхъ въ свѣтѣ; не имѣть бы склонности къ женамъ, дѣтямъ, богатству, чести и къ прiятелямъ. Сiе нерадѣнiе ядъ разуму, унынiе сердцу и разслабленiе душевныхъ силъ. Надобно содержать разумъ во всегдашнемъ упражненiи и имѣть его въ безпрестанномъ дѣйствiи, чтобъ не изчезъ и не разрушился

шился отъ своея собственныя тягости. Сердце не можетъ жить безъ любви, или безъ дружбы; и оно любовнымъ унынїемъ, вздохами и желанїями подкрѣпляется и питается; а душа по своему безсмертїю, возсуждаетъ себя и безпокоится столь многими неудовольствїями, ко облегченїю которыхъ надлежитъ ей искать въ богатствахъ, въ чести и въ дружбѣ, какъ въ дѣлахъ ей больше приличныхъ, спокойства и удовольствїя. Для чего жъ лишать человѣка такихъ преимуществъ, которыя даны ему для облегченїя отъ естества и Провидѣнїя?

Я не требую, отвѣчалъ Арсенъ, чтобъ человѣкъ жилъ въ свѣтѣ безполезно и лѣностно. Однако и того не хочу, чтобъ онъ склонялся къ подлымъ, тлѣннымъ и къ такимъ вещамъ, которыя его недостойны; частое омерзѣнїе и безпокойствїя, произходящїя отъ того, не довольно ль

научить его могутъ, что онъ рожденъ для гораздо большаго дѣла? Намѣренiе мое не то, чтобъ отнять у него волю къ познанiю желанiя и любви: но только, чтобъ перемѣнить предметы его любопытства, любви и склонности. Я желаю, чтобъ онъ все свое старанiе на то употребляль, чтобъ познать великость и совершенство превѣчнаго сего Существа, преисполнилъ бы сердце свое его любовiю, и всѣ бы свои желанiя только въ то устремлялъ, чтобы онъ всегда имъ владѣлъ, и ему бы одно оное было угодно.

Ахъ, дражайшiй Арсенъ, говорилъ Эрофилъ, обнимая его; естьлибъ вамъ такъ, какъ мнѣ, видѣть случилось великаго сего Короля, которому удивляется вся Европа; естьлибъ видѣли вы, какъ я, богатства его, чертоги, любовь его подданныхъ и славу, окружающую его отвсюду; вы бы конечно перемѣнили

нили прерипельныя мнѣнія, которыя имѣеше ко всѣмъ изъяществамъ сего свѣта.

Я слышалъ, перервалъ Арсенъ, столь великія и удивительныя дѣла о семъ великомъ Государѣ и его дворѣ, что мнѣ и не вѣроятно: но вы такъ долго будучи во Франціи, что о томъ слышали? и какъ думаете?

Онъ все то превосходитъ, отвѣчалъ Эрофиль, что вы слышали, и все, что представить себѣ можете. Сей Государь становитѣе всѣхъ на свѣтѣ. Онъ щедръ, премудръ, любитель правосудія, строгой наблюдатель законовъ и учрежденій, нещадящій преступающихъ, проворливъ въ выборѣ своихъ Министровъ, и рассуденъ въ оказаніи своей милости: при томъ постояненъ и непоколебимъ. Онъ можетъ великодушно сносить жесточайшія нещастія и

печали. Онъ всѣ дѣла самъ сперьва начинаетъ; превосходитъ искуснѣйшихъ въ управленiи казною, войною и правосудiемъ. Ненарушимо содержитъ свое слово; трудолюбивъ, великодушенъ и безбоязненъ; защитникъ нещастныхъ и гонимыхъ Принцовъ; съ усердiемъ прославляетъ бога; твердъ въ нашемъ законѣ столь много, что выгналъ изъ своего государства всѣхъ, не хотѣвшихъ быть въ ономъ. Украшенiя его и чертоги столь великолѣпны и драгоцѣнны, и такъ много удивленiя достойны, что оныя кажутся быть въ мѣстахъ несравненныхъ. Подданные его любятъ, обожаютъ, и все ему посвящаютъ. Величество и слава его, продолжалъ Эрофиль, произвели такую сильную зависть и ревность при дворахъ славнѣйшихъ Европейскихъ Государей, что они часто противъ его соединялись. Но онъ одинъ своимъ остроумiемъ, великою храбростiю, и сильнымъ своимъ оружiемъ

поко-

покорилъ ихъ, и принудилъ просить у себя миру.

Изрядно! прервалъ рѣчь его Арсенъ. Онъ имѣетъ и здѣлалъ все, что вы объявляете, чрезвычайно. Что жъ ему останется, спустя одинъ не цѣлой вѣкъ, изъ его неисчетныхъ богатствъ, изъ хорошихъ его уборовъ, изъ драгоцѣнныхъ его чертоговъ, изъ любви отъ его подданныхъ и отъ сей чести, которая его отвсюду окружаетъ, и привлекаетъ такую зависть и ревность? Что ему останется, повторяю? Что осталось тѣмъ великимъ Государямъ, которые прежде его были? Что осталось Александру, Кесарю и всѣмъ симъ Императорамъ обладателямъ свѣта? Отмѣнятся ль кости въ славныхъ ихъ гробницахъ отъ костей послѣднихъ ихъ подданныхъ? Нимало; одни и другіе равно въ пыль и прахъ превратятся, а только останется по семъ великомъ Фран-

Француссскомъ Королѣ та слава, что онъ былъ набоженъ, сохранялъ вѣру, что былъ щастливъ и благоугоденъ превѣчному богу, прилѣпляясь къ Нему во все время своей жизни. Ахъ, дражайшїй Эрофиль, какъ много щастливъ тотъ, кто можетъ соединиться съ симъ превѣчнымъ Существомъ! Ибо вмѣсто непостоянствъ, невѣрностей и омерзѣнїя, которыя находятся въ вещахъ сего свѣта, увидитъ онъ тамъ твердость, красоту и прїятности, которыя его восхищать будутъ услаждающею радостию.

Какъ мало вы человѣколюбивы Арсенъ, отвѣчалъ Эрофиль, что оставляете умирающую жену, которая горячо васъ любитъ, и кромѣ васъ, ни отъ кого утѣшенїя не принимаетъ! Оставляете молодую дочь, которая, не храня своея чести и славы, на все отважилась, въ надеждѣ спасенїя вашея жизни. Сына, кото-

рой

рой сожалѣя о несправедливости, которую васъ претерпѣвать принудили, вдался за васъ въ нещастныя крайности, и вооружился противъ своего Государя. Какъ! возможно ли, продолжалъ онъ, чтобъ ваше сердце было такъ не чувствительно, чтобъ оставить толь дражайшихъ особъ? И какъ естество не побудитъ васъ объ нихъ къ сожалѣнію?

Надобно стараться исцѣлять, отвѣчалъ Арсенъ, сїе природное сожалѣнїе; ибо божественное существо, сїе превѣчное бытїе, не прїемлетъ сердца, которое не свободилось всѣхъ склонностей. Житїе и книги, которыя мы о Творцѣ имѣемъ, поучаютъ насъ, что онъ требуетъ совершенно всего сердца, безъ всякаго изъятїя.

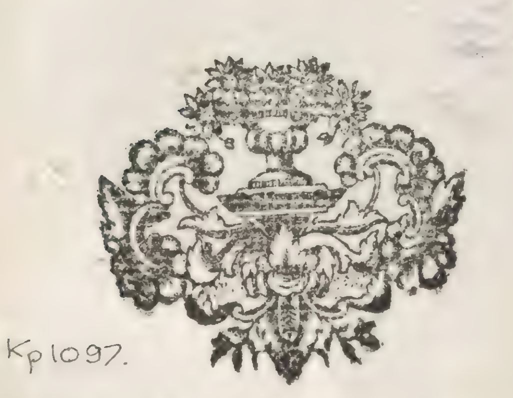
Какъ Арсенъ такимъ образомъ разсуждалъ, слышанъ былъ въ лѣсу

шумъ, и они подумали, по причинѣ ночи, что тамъ какой ни будь дикой звѣрь находился. Сїе понудило Арсена просить Эрофиля, чтобъ назадъ возвратиться, котораго, пригласивъ въ свое уединенїе, принялъ наилучшимъ образомъ. При чемъ спрашивалъ у него, какъ ему показались всѣ его разговоры? Эрофиль признался, что оные очень его тронули; къ тому же присовокупилъ, что по разсужденїю его, произходящїя дѣла гораздо увеличены были; а можно бы сыскать въ томъ и посредство, которое бы ихъ въ мнѣнїяхъ согласило, то есть, чтобъ жить въ свѣтѣ такъ, какъ и въ уединенїи, именно жъ: отправляя должность мѣщанина, препровождать жизнь, удаленную отъ дѣлъ свѣтскихъ, столь же невинную, какъ и совершеннаго отшельца. Арсенъ ему отвѣчалъ, что исполнять того отнюдъ не возможно; а какъ ужѐ было поздо, то

оста-

оставили они разговоръ свой до другаго времени.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

Не знаю, естьли такъ правдива
Исторія Арсенова, какъ мила! —

